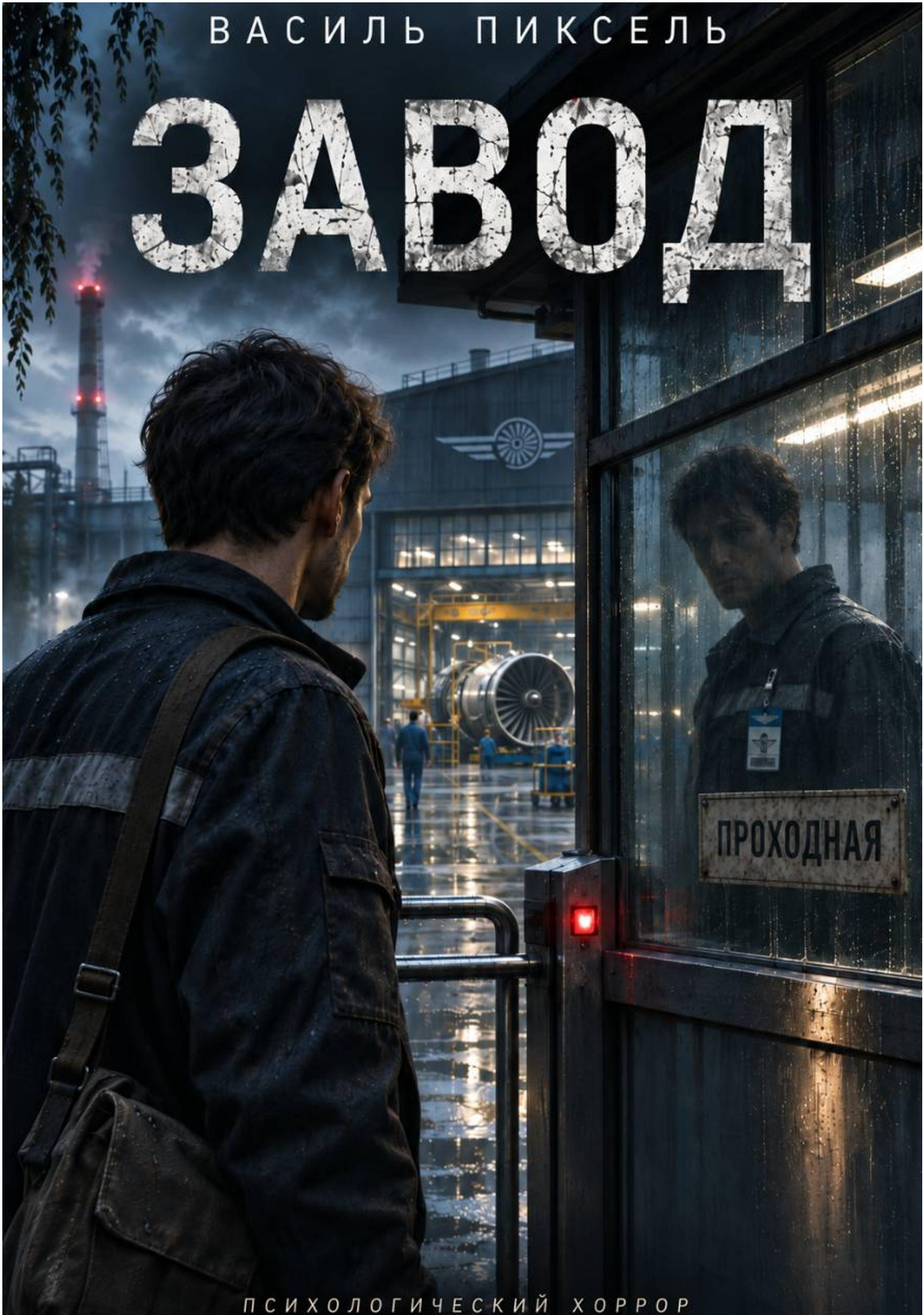

ВАСИЛЬ ПИКСЕЛЬ
ЗАВОД
ПРОХОДНАЯ
ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ХОРРОР

Василь Пиксель

Завод

«Автор»
2026

Пиксель В.

Завод / В. Пиксель — «Автор», 2026

За пять дней до увольнения инженер Данил Орлов находит в заводском архиве документ, которого не должно существовать: его собственное заявление об уходе, датированное восемнадцатью годами раньше.Затем коллеги начинают помнить разные версии одних событий, а привычные записи опровергать живых людей.На предприятии по-прежнему проектируют, собирают и испытывают авиационные двигатели. Смены выходят по расписанию. Только однажды ближайший друг Данила исчезает так, словно никогда здесь не работал.Чтобы вернуть Костю, придётся признать страшную вещь: не всякую ошибку можно исправить, не уничтожив человека.

© Пиксель В., 2026
© Автор, 2026

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОХОДНАЯ 5
Глава 1. Семь сорок три 5
Глава 2. Подпись 9
Глава 3. Пятьдесят третий год 12
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИЙ 16
Глава 4. Бумажный контур 16
Глава 5. Лифт 21
Глава 6. Чужое совещание 25
Глава 7. Не нажимай 30
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Василь Пиксель
Завод

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ПРОХОДНАЯ

Глава 1. Семь сорок три

В семь сорок три турникет не открылся.

Данил приложил пропуск второй раз. Потом третьим движением, уже сердитым, прижал его плоско, всей поверхностью, хотя отлично знал, что так делать не требуется. На считывателе мигнула красная полоска.

— Следующий, — сказали сзади.

— Сейчас.

Данил отступил к стене, пропуская молодого парня с рюкзаком. Тот провёл картой по считывателю, даже не посмотрев на него, и прошёл. За ним — женщина в сером пальто, за ней — высокий мужчина с пластиковым контейнером для еды. У каждого турникет коротко пискнул и выпустил вперёд.

Утро продолжалось.

Охранник в стеклянной будке поднял голову.

— Орлов, опять?

— Первый раз за полгода.

— У тебя всё первый раз. А через неделю опять скажешь, что первый. Давай сюда.

Данил протянул карточку. Охранник приложил её к своему считывателю и покачал головой, будто увидел на мониторе что-то обидное лично для себя.

— У тебя срок стоит до пятницы.

— Так и должен.

— А чего уволиться решил?

— Потому и срок до пятницы.

Охранник фыркнул. Люди рядом проходили один за другим, и голос турникета, отсчитывающего каждое разрешение, складывался в ровное металлическое тиканье.

— Сначала пиши заявление, а потом говори, — сказал охранник.

— Уже написал.

— Значит, не уйдёшь. — Охранник протянул карту. — Пока руками открою. А ты в бюро пропусков сходи.

Он нажал кнопку под столом. Металлическая створка отъехала в сторону.

Данил прошёл и сразу пожалел, что ответил. На Заводе было много людей, которые считали увольнение темой для шуток. Чаще всего шутили те, кто сам собирался уйти лет пятнадцать назад.

За проходной пахло мокрым асфальтом и чем-то горячим, масляным, знакомым с первого дня. У проходной курили четверо мужчин. Один, со светлыми усами, рассказывал историю, размахивая сигаретой. Данил видел его почти каждое утро и не знал ни имени, ни отдела. Человек этот появлялся здесь так регулярно, что, исчезни он однажды, Данил сначала решил бы, что просто опоздал.

К воротам подошла молодая женщина с коляской. Улыбнулась кому-то за плечом Данила. Мужчина в синей куртке вышел ей навстречу, поднял ребёнка на руки, неловко поцеловал

жену, оставив у неё на щеке светлую полоску от перчатки. Потом вернул ребёнка и заторопился обратно. На проходной он не остановился: даже охранник понял, что это свои.

Данил пошёл вдоль второго корпуса.

У раскрытых ворот сборочного корпуса человек в серой спецодежде придерживал тележку с закрытым контейнером. Двое из соседней смены спорили, кто принимал комплект после контроля. Данил не слышал их слов, но по жестам понял, что разбираться будут долго: один показывал в сторону цеха, другой — на сопроводительный лист. В двадцати метрах за ними находился двигатель, для которого делали эти детали. Он видел его неделю назад, когда вместе с молодыми специалистами проходил по участку. Голый металл, круги лопаток, осторожные руки сборщиков. Огромная работа многих людей сходилась там в изделие, которое однажды должно было работать уже далеко отсюда, под крылом самолёта.

В соседнем корпусе шли расчёты, в другом готовили технологию изготовления, у испытателей уже ждали следующий двигатель. Завод умел продолжать работу, даже когда кто-то заболевал, уходил в отпуск или увольнялся. Данил это знал и сам учил сотрудников не делать систему зависимой от одного человека. Тем неприятнее было замечать, что собственный уход он продолжал воспринимать как отказ двигателя прямо перед запуском.

За восемнадцать лет он выучил неровности дорожки: стык, на котором после дождя всегда стояла вода; ступеньку, которую почему-то не ремонтировали; поворот у старого дерева, где зимой дольше всего лежал снег. Когда-то он любил ходить другой дорогой, через цеховой переход, потому что там было тепло. Потом перестал. Не помнил почему.

Телефон завибрировал.

«Сегодня не забудь передать ребятам права администратора», — написал Костя.

«Забуду специально».

«Тогда после увольнения приедешь и передашь».

«Сквозь забор».

Костя прислал изображение смеющегося кота.

У Данила оставалось пять рабочих дней. Звучало неправдоподобно. Он говорил об этом так часто, что перестал слышать смысл. С января они с женой обсуждали, что будет дальше. До января он обсуждал с собой. Ещё раньше — с кем попало после третьей кружки кофе. Все соглашались, что пора. И когда наконец появилось подписанное заявление, оно оказалось не началом новой жизни, а очередной задачей со сроком исполнения.

В кабинете пахло кофе. Из окна открывался вид на стену соседнего корпуса, испещрённую кронштейнами, кабелями и потемневшими следами воды. С другой стороны стены уже работал цех, и иногда через перекрытия проходила слабая вибрация. Данил любил это ощущение. Оно напоминало, что здесь не только пишут служебные записки.

— Утро, увольняющийся, — сказал Костя, не отрываясь от экрана.

— Ты как узнал?

— По лицу. Остальные приходят с таким по понедельникам, а ты теперь каждый день.

Костя пил чай из кружки с отколотым краем. На его столе лежали две отвёртки, хотя необходимости держать отвёртки в группе программного обеспечения не было уже много лет. Он объяснял это тем, что иногда очень хочется разобрать проблему физически.

— Ночью миграция прошла? — спросил Данил.

— Почти. Структура нормальная. Один старый реестр чудит.

— Какой?

— Ссылки на владельцев решений. Вроде мусор. Я тебе отчёт положил.

Данил включил компьютер. Пока загружалась система, успел снять куртку, поздороваться в общем чате, посмотреть календарь. В календаре стояли совещание о правах доступа, передача задач преемнику, сверка с архивом и обед, который никогда не был внесён, но каким-то образом всегда выпадал на время, отведённое другим людям.

На рабочем столе лежал документ «РЕЕСТР_СВЕРКА_02». Костя любил имена файлов, не дававшие повода для фантазии.

Внутри было двенадцать строк. Восемь жёлтых, три зелёные, одна красная.

Красная относилась к объекту с идентификатором, который Данил узнал сразу.

Старый формат. Его собственный. Ещё из тех лет, когда он писал диплом и придумывал, как описывать требования к сложному изделию так, чтобы их потом можно было сравнивать между собой. Он тогда думал, что создаёт программу на один семестр. Позже часть его подходов прижилась в рабочих инструментах, обросла новыми полями и людьми и перестала быть похожа на исходный проект.

Данил открыл карточку.

Тип объекта: решение.

Инициатор: Орлов Д. А.

Дата создания: 18.09.2008.

Тема: прекращение трудовых отношений.

Основание: личное заявление.

Состояние: возвращено на доработку.

Он перечитал строку и посмотрел в правый верхний угол. Время на компьютере: 08:17. День недели: понедельник.

Дата была неправильной. То есть она была настоящей датой, но неправильной для этого документа.

В сентябре 2008-го Данил только устраивался. Ещё не получил постоянное место. Ему казалось, что здесь всё временно: диплом, практика, предложение поработать, первая настоящая зарплата. Он помнил коридор у отдела кадров и то, как неловко стоял там с папкой, не зная, кому её отдать.

Уволиться тогда ему было неоткуда.

— Костя, — сказал он.

— Чего?

— Ты красную строку смотрел?

— Конечно. Ты на ней сейчас зависнешь на полдня, я же знаю.

— Тут моя фамилия.

— Бывает. У нас половина заявок на тебя была заведена.

— Не на доработку системы. На увольнение.

Костя наконец повернулся. Посмотрел через плечо Данила на экран.

— Оригинально. Ну, бывает. У старого реестра типы перепутались.

— У меня тогда не было трудового договора.

— Вот и хорошо. Уволиться без договора нельзя, значит, запись неправильная.

— А почему состояние «возвращено на доработку»?

Костя задумался, потом наклонился к монитору.

— Открой маршрут.

Данил нажал на вкладку.

Было одно согласующее лицо.

Орлов Данил Андреевич.

Дата согласования: 18.09.2008, 19:42.

Решение: отказано.

Причина отказа: «Не приступил».

— Ну вот, — сказал Костя. — Сам себе не разрешил уволиться. В принципе, похоже на тебя.

Данил хотел улыбнуться, но остановился.

Он помнил тот вечер.

Не всё, конечно. Не то, что ел. Не слова людей, с которыми разговаривал. Но одну вещь помнил очень хорошо: он стоял у окна студенческого общежития, держал телефон и решал, остаться ли здесь после защиты диплома или уехать в другой город, где знакомый обещал место программиста.

Тогда Данил ещё не знал, что получится из его жизни.

Он только знал, что вариантов два.

Костя положил ладонь на спинку его кресла.

— Слушай, может, это тебе судьба прислала уведомление? На полчаса раньше остальных согласующих.

Данил закрыл маршрут и открыл свойства записи.

Одна странность была хуже самой даты.

Пользователь, создавший объект, больше нигде в системе не встречался. Не было учётной записи, адреса, истории входа. Не было даже обычного технического комментария о переносе из архива.

Зато у объекта стояла отметка: «Источник подтверждён. Бумажный экземпляр существует».

— Посмотрим оригинал, — сказал Данил.

— А если там действительно твоя подпись?

— Значит, посмотрим внимательнее.

Костя кивнул и вернулся к своему экрану.

Данил ещё минуту сидел неподвижно. Должно быть, причиной была нелепость. Сотни тысяч старых ссылок, десятки переносов между системами, документы из времён, когда каждый второй придумал собственное обозначение. В такой среде можно обнаружить всё что угодно.

Но он снова открыл карточку и посмотрел в нижнюю часть экрана.

Там появилась строка, которой минуту назад не было.

«Заявитель находится на территории предприятия».

Данил моргнул.

«Состояние обращения: ожидает решения».

Он нажал обновление.

Строка исчезла.

На её месте стояла обычная серая надпись: «Нет дополнительных сведений».

Он сохранил снимок экрана. Получившийся файл показывал именно серую надпись.

За стеной негромко заработала дрель. Костя рассмеялся над чем-то в телефоне. В общем чате попросили принести в переговорную ещё один удлинитель.

Данил посмотрел на часы.

До конца последней в его жизни рабочей недели оставалось сорок часов.

Глава 2. Подпись

К одиннадцати утра странный документ уже почти перестал казаться странным.

Так происходило со всеми ошибками, если достаточно долго сидеть перед ними. Даже самая нелепая постепенно обрастала объяснениями. Кто-то перепутал дату. Кто-то использовал чужую учётную запись. Кто-то неправильно мигрировал старые классификаторы. Чем больше вариантов появлялось, тем меньше оставалось места настоящему удивлению.

— Я думаю, это хвост от твоей дипломной программы, — сказал Костя.

Они стояли у принтера. Тот шумел так, будто пережёвывал пластиковую тару, и выдавал по одному листу каждые несколько секунд.

— Моя программа не умела хранить кадровые заявления.

— И не хранит, — сказал Данил. — В карточку изделия не должно попадать личное дело. Но там была связь с комплектом исходных требований к дипломному проекту. Если старый комплект переносили целиком, могли подтянуть приложение к протоколу назначения исполнителя. Оно не кадровое. Оно отвечает на вопрос, кто имел право менять требования.

— То есть люди присоединили к технической истории старую служебную бумагу?

— Возможно. Но не объясняет, почему приложение подписано мной и почему я его не помню.

Костя поставил распечатки на край принтера.

— Значит, сначала ищем оригинал. А не переписываем прошлое, чтобы экран выглядел красиво.

— А двадцать потом переписанных модулей умели?

— Не знаю.

— Вот. Уже честный ответ.

— Ты сегодня специально добрый?

— Я сегодня специально не хочу за тебя разгребать перед увольнением весь исторический архив.

Костя взял первую распечатку, посмотрел, кому она предназначена, и сунул под мышку.

— И вообще, тебе надо учиться не решать задачи, в которых ты больше не работаешь. Прямо практиковаться.

— Эта задача ещё моя.

— Вот именно. Завтра тоже будет твоя. В следующем году найдут, что ты когда-то неправильно поставил галочку, и позовут исправлять. Ты им нужен больше, чем ты себе нужен.

Данил ничего не ответил. Костя был не первым, кто говорил подобное, и не последним. Раздражало то, что он, вероятно, был прав.

На обед они пошли поздно. В столовой оставались гречка, две котлеты неизвестной категории и картофельное пюре, которое смотрело на Данила из металлического лотка с такой неприязнью, будто помнило его ещё студентом.

За соседним столом женщина поздравляла коллегу с рождением внучки. Один мужчина объяснял другому, почему сыну не стоит идти в конструкторы. Тот возражал, что сын уже работает и прекрасно себя чувствует. У окна двое молодых людей делили салат из одного пластикового контейнера и почему-то боялись смотреть друг на друга.

— Опять новая пара, — заметил Костя, проследив за его взглядом.

— С чего ты взял?

— Ты видел, как он ей вилку подал? Это ранняя стадия.

— Специалист по стадиям?

— Я тут столько лет, у меня статистика. До свадьбы они ещё успеют поссориться на корпоративе.

За пять минут Костя успел рассказать две истории, одна из которых была явно выдуманной, а вторую Данил слышал в разных версиях уже лет десять. Почти никто никогда не знал, откуда на Заводе начиналась та или иная история. Зато все знали, как она закончилась, и каждый — по-своему.

После обеда Данил зашёл в архивную группу.

Женщина за столом представилась Ниной Сергеевной, хотя они встречались по работе не раз. Она выслушала его, проверила идентификатор и сказала, что бумажные носители находятся в старом хранилище, куда по понедельникам не спускаются.

— Почему?

— Потому что в понедельник там инвентаризация.

— А во вторник?

— Во вторник можно, если заявка оформлена.

— А сегодня нельзя, если очень надо?

— Сегодня вы ведь ещё не оформили заявку.

Данил поймал себя на желании спорить, но только попросил номер формы.

Вернувшись к себе, он обнаружил на столе конверт.

Простой белый конверт без адреса. Внутри лежала ксерокопия старой бумаги с пятнами, похожими на следы степлерных скоб.

«Прошу прекратить оформление моего трудоустройства в связи с принятым решением продолжить работу по другому месту жительства».

Ниже — его имя, дата и подпись.

Почерк выглядел чужим. Подпись — нет.

Она была той самой подписью, которую он ставил тогда. С резкой первой буквой, с коротким хвостом, без нынешнего нетерпеливого росчерка. С годами люди меняют подпись не сразу; сперва только ускоряют её, как старую дорогу, по которой научились бегать.

На обороте было написано синей шариковой ручкой:

«Если останусь, не забыть, что хотел уехать».

Данил сел.

Он помнил эту фразу.

Не как фразу, произнесённую вслух. Он её не произносил. Она возникла в голове в общежитии, возле окна, где за запотевшим стеклом светили жёлтые фонари. Он тогда открыл блокнот и хотел записать её, но вместо этого зазвонил телефон, и вся решимость куда-то исчезла.

Он был уверен, что не записал.

В его памяти эта мысль существовала без бумаги.

Он перевернул копию.

В верхнем углу стоял номер, а рядом — почти стёртая печать архива. Никаких чудес. Самая обычная старая бумага.

— Костя, ты мне конверт приносил?

— Какой?

Данил показал.

Костя перевернул лист, посмотрел на обратную сторону, прочёл два раза.

— Хорошая надпись, — сказал он.

— Кто принёс?

— Когда?

— Пока нас не было.

— Я после обеда зашёл в переговорную. Тут Егор сидел, он мог видеть. Пойду спрошу.

Данил хотел остановить его, но не успел. Костя ушёл, оставив за собой слабый запах дешёвого мятного чая.

На телефоне вспыхнуло сообщение от Веры: «На выходные ничего не планируй. Соня хочет сама решить, куда пойдём».

Данил набрал «Договорились» и долго смотрел на отправленное сообщение.

Восемнадцать лет назад он обещал себе, что не останется навсегда. Теперь слово «навсегда» звучало глупо. Никто не знает, сколько это. Даже пять лет трудно представить точно, если не считать отпусков и дня рождения.

Костя вернулся минут через десять.

— Егор говорит, конверт тебе какая-то женщина принесла.

— Какая?

— Не знает. Сказала: «Передай Дане».

— Дане?

— Ну да.

Так его называли в самом начале. Пока он не получил первую должность, потом следующую, потом ещё одну. Постепенно даже люди, которые были старше его на тридцать лет, начали говорить «Данил Андреевич».

В последние годы «Даня» говорили только жена, Костя и иногда мать.

— Молодая? — спросил он.

— Егор говорит, лет сорок. Вроде из старого корпуса.

— Она сказала, от кого?

— Только «передай Дане». И ещё... — Костя помолчал.

— Что?

— «Он всё равно сделает вид, что не помнит».

В этот момент за окном прошёл мужчина с большой картонной коробкой. На коробке криво было написано «НЕ БРОСАТЬ». Мужчина придерживал её подбородком и медленно шёл по дорожке, где вода собиралась у неровной ступеньки.

Никто вокруг не выглядел встревоженным.

Данил положил копию в папку.

— Завтра пойдём в архив, — сказал он.

— Пойдём, — ответил Костя. — А сегодня лучше домой вовремя.

— А ты?

— Я тоже.

Они оба знали, что, скорее всего, ни один из них не уйдёт в пять.

Глава 3. Пятьдесят третий год

О старых конструкторах часто говорили, что они помнят всё. Это было неправдой. Они помнили то, что имело значение. Остальное растворялось точно так же, как у любого человека.

Виктор Михайлович Кравцов помнил, как однажды ночью в цехе ждали результат испытания и никто не хотел первым снять телефонную трубку. Помнил, как в молодости наспор пробежал по длинному переходу, хотя по технике безопасности бегать было нельзя. Помнил, что жена ненавидела хризантемы и любила маленькие белые цветы, названия которых он никогда не знал.

Зато он не помнил, когда в последний раз был в отпуске больше недели.

Поздравляли его в комнате совещаний на третьем этаже. Кто-то принёс торт с надписью «53», кто-то — большой пакет с продуктами, которые он наверняка передаст соседям. Сотрудники заходили по очереди, пожимали руку и говорили одно и то же разными словами.

Данил попал туда случайно. Его позвал Егор, молодой специалист, который теперь работал в группе по соседству.

— Зайдите на пять минут, дед будет рад.

— Твой дед?

— Ну да. Виктор Михайлович.

Данил взглянул на Егора внимательнее. Раньше не замечал сходства. Одинаковые тяжёлые брови и одинаковая привычка смотреть на человека, когда тот говорит, а не на то, что у него в руках.

В комнате смеялись. Кравцов сидел на краю стола, держал чашку и не пытался изображать именинника.

— А вот и Орлов, — сказал он. — Последний раз его вижу.

— Да я ещё до пятницы работаю.

— А потом?

— Потом не работаю.

— Это ты зря так говоришь, — сказал Кравцов. — Не работать у тебя всё равно не получится.

Кто-то за столом засмеялся.

— А вам самому не надоело за пятьдесят три года? — спросил Данил.

Кравцов немного подумал.

— Нет, — сказал он. — Бывали дни, когда надоедало. Целые годы тоже. Но чтобы всё сразу — нет.

— Не хотелось уйти?

— Хотелось. В тридцать с чем-то собирался уехать. Работа другая была, город поближе к морю. Жена даже вещи собирала.

Егор перестал улыбаться.

— Ты никогда не рассказывал.

— А что рассказывать? Не уехали.

— Почему?

Кравцов посмотрел на внука, как смотрят на человека, который задаёт правильный вопрос не в том месте.

— Передумали.

Потом повернулся к Данилу.

— А ты ведь тоже давно хотел уехать. Тебе тогда что-то на юге предлагали?

— Не на юге, — ответил Данил автоматически. — В другом городе.

Кравцов кивнул.

— Значит, я путаю. Или не путаю.

Он произнёс это спокойно. В соседнем конце комнаты кто-то спорил о том, кто будет резать торт; телефоны вибрировали, на стол падали крошки. Егор снял фотографию, и вспышка на секунду сделала все лица одинаково светлыми.

— А откуда вы знаете про предложение? — спросил Данил.

— Ты сам рассказал.

— Когда?

— Когда хотел уезжать.

— Я тогда с вами ещё знаком не был.

Виктор Михайлович поставил чашку.

— Значит, перепутал. В моём возрасте можно.

Но он не улыбнулся.

После поздравления Данил вышел в коридор. Там было прохладнее и гораздо тише. У окна стояла женщина с вазой для цветов, безуспешно пытаясь уместить в неё длинные стебли.

— Там ваз больше нет? — спросила она.

— Не знаю. В столовой, наверное.

Она вздохнула и пошла назад.

По коридору прошёл Кравцов. Остановился рядом с Данилом и достал из кармана сложенную бумажную салфетку, на которой лежал маленький кусок торта.

— Жена любила, — сказал он. — Я раньше всегда ей носил.

— Давно её нет?

— Шестой год.

Данил не знал, что сказать. Кравцов сам избавил его от необходимости.

— Ты в ту архивную запись не лезь один.

Сердце Данила будто споткнулось.

— Какую запись?

— Ты понял.

— Кто вам рассказал?

— Никто мне не рассказывал. Просто ты с таким лицом стоишь. Я видел раньше.

Кравцов сжал салфетку. Крем испачкал указательный палец.

— Некоторые бумаги лучше не читать, Даня.

Данил почувствовал, как холодеют пальцы.

Он хотел спросить, почему тот назвал его именно так. Хотел спросить, откуда знает об архиве. Хотел спросить о другом городе и о своём давнем решении. Но Кравцов уже уходил, неспешно, чуть приволакивая ногу.

— Виктор Михайлович!

Старик обернулся.

— Вы правда не пожалели, что остались?

Кравцов не ответил сразу.

— О том, что остался, — сказал он, — нет. А о том, что однажды сделал вид, будто другого выбора не было, — пожалел.

Он ушёл. И только после этого Данил заметил, что в коридоре давно погасла часть ламп. Стало почти темно, хотя за окном ещё был ясный день.

Дома Соня построила на полу город из цветного картона. В одном доме жила семья, в другом находился магазин, третий был больницей. Между ними она провела синей ручкой улицы. На самой дальней окраине стоял высокий серый прямоугольник.

— Это что? — спросил Данил.

— Завод.

— Зачем он тебе в городе?

— Потому что там люди работают. Им же надо куда-то уходить утром.

— А возвращаться?

— Ну конечно. — Соня посмотрела на него с таким удивлением, будто другого ответа и быть не могло. — Иначе кто их дома ждать будет?

Данил сел рядом на ковёр.

— А если кто-нибудь не вернётся?

— Тогда его надо искать.

— Где?

— На Заводе. Где же ещё?

Вера позвала ужинать. На кухне пахло печёными овощами; у неё был усталый взгляд, но она всё равно спросила, как прошёл день. Данил хотел сказать о бумаге и о старике, но услышал собственный голос:

— Нормально. Опять архив тормозит.

— Ты же говорил, что больше не будешь влезать в новые задачи.

— Это старая.

— Ты все задачи так называешь.

Он улыбнулся, а Вера не улыбнулась.

— Данил, мы же договорились. Ты уходишь. Не на словах. Не когда всё будет закончено. В пятницу.

— Я знаю.

— Значит, в субботу у нас будет первый день, в который ты не скажешь: «Мне только проверить одну вещь».

— Будет.

Он сказал это уверенно, но сам почувствовал, что произнёс обещание, а не факт.

Поздно вечером Костя прислал сообщение.

«Слушай, ты не спишь?»

«Нет».

«Я про тот документ. Скажи честно, ты же правда не писал его?»

«Не писал».

Долгое время Костя ничего не отвечал.

Потом появилось:

«Тогда кто со мной разговаривал вчера?»

Данил набрал: «В смысле?»

Сообщение осталось непрочитанным.

В 23:14 Костя отправил фотографию.

На ней они оба стояли возле окна в незнакомой комнате. Данил выглядел лет на десять моложе и держал за плечо Костю. Через окно было видно море.

На обороте снимка, который Костя прислал второй фотографией, стояла дата: 12 августа 2012 года.

«Помнишь отпуск?» — написал Костя.

Данил не был с Костей на море. Никогда. Он вообще не ездил к морю в 2012 году.

«Где ты это взял?» — спросил он.

Три точки под именем Кости зажглись, погасли, потом зажглись снова.

«У себя дома. В альбоме. Всегда там лежала».

Данил приблизил фотографию. На его футболке была маленькая тёмная надпись, нечёткая даже после увеличения. На фоне за окном стояли белые лодки, люди шли вдоль набережной, над водой висел прозрачный вечерний свет.

Фотография была красивой.

Самое неприятное заключалось в том, что, пока он на неё смотрел, Данил начал вспоминать запах моря.

Совершенно отчётливо.

Он поспешно закрыл изображение.

Но запах остался.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ИСТОРИЯ ИЗМЕНЕНИЙ

Глава 4. Бумажный контур

Утром фотография по-прежнему была в телефоне.

Данил проверил это до того, как встал с кровати. Открыл переписку с Костей, увеличил снимок, ещё раз посмотрел на собственную руку, лежавшую у того на плече. На запястье виднелась тёмная полоса от часов. В две тысячи двенадцатом он носил другие — недорогие, с металлическим браслетом. Эти часы, с широким ремешком, Вера подарила ему тремя годами позже.

Может, он ошибался. Может, похожие часы тогда тоже были. Человеческая память не предназначалась для проверки вещественных доказательств.

Он сохранил фотографию в отдельную папку, отключил синхронизацию с облаком и отправил копию на домашний компьютер. Потом записал на листе бумаги три факта: «В 2012 году в отпуск с Костей не ездил. Костя считает, что ездили. Фотография есть у обоих».

Под третьей строчкой добавил: «Уточнить место съёмки».

Из кухни донёсся звон чашки.

— Ты уже за своё? — спросила Вера, не оборачиваясь.

— За какое?

— За то, ради чего в последний раз просидел до двух ночи.

Данил посмотрел на лист. Он не помнил, чтобы сидел до двух. Вчера он выключил свет в спальне около полуночи.

— Я лёг раньше.

— Ты вставал. Я слышала, как принтер работал.

— У нас дома принтер не подключён.

Вера поставила чашку на стол.

— Тогда что-то жужжало у тебя в кабинете. Даня, ты уходишь в пятницу. Если там опять какая-нибудь катастрофа, они справятся.

Он хотел спросить, не видела ли она распечатку. Но Вера смотрела на него устало и серьёзно, а Соня уже натягивала в коридоре куртку и звала маму помочь с молнией. Он решил не превращать утро в допрос.

— В субботу — без телефона, — сказала Вера.

— Мы же договорились.

— Договорились мы много раз.

На проходной карточка сработала с первого раза. Охранник с вчерашней смены куда-то ушёл, вместо него сидел молодой парень с наушником. Всё было обычно. Данилу даже стало стыдно за облегчение, которое он испытал, услышав короткий зелёный сигнал.

Костя пришёл позже него. На вопрос о фотографии ответил не сразу: повесил куртку, налил воды, запустил компьютер.

— Ты правда помнишь море? — спросил Данил.

— Когда ты это спрашиваешь, помню. Когда не спрашиваешь — кажется, что я всё придумал.

— Гостиницу?

— Квартира была. Снимали у женщины. Второй этаж. Во дворе виноград или что-то похожее.

— Город?

Костя назвал его. Данил вспомнил, что в тот год рассматривал там работу в проектной организации. Дважды звонил знакомому, но дальше разговоров дело не пошло.

— Ты мне это раньше рассказывал? — спросил он.

— Что?

— Про работу там.

— Нет. — Костя замолчал. — Или да. Слушай, я не знаю. Я сегодня утром искал альбом. Фотографии из него на месте, а вот подписи под ними... Не помню, чтобы сам писал. У меня почерк крупный. А там мелкий, аккуратный. И похож на мой.

— Покажи.

— Вечером. Альбом дома.

Костя почесал затылок.

— Может, не надо это раздувать? Ты в пятницу уходишь. У меня в пятницу миграция. Мы оба не спали. Нашли старую бумагу, теперь смотрим на каждую мелочь как на улику.

— Именно поэтому идём за оригиналом.

— Я так и знал.

В бюро контроля конфигурации было прохладно. Воздух пах бумагой, мокрыми куртками и свежим тонером. За двумя соседними столами спорили о составе комплекта документов: один инженер считал, что недостающую ведомость можно приложить позднее, второй объяснял, почему нельзя выпустить изделие с неполным составом данных. Их разговор был понятным, даже приятным. У проблемы существовал предмет. У неё были последствия. Её можно было решить.

Марина Лебедева сидела возле окна и красным карандашом отмечала что-то на распечатке.

— Если это очередная просьба согласовать задним числом, можно не садиться, — сказала она Данилу.

— У меня бумага из старого контура.

— У тебя всё из старого контура. Пятнадцать лет обновляете систему, а виноват старый контур.

— На этот раз я не шучу.

Марина подняла глаза.

Она не выглядела человеком, которому нужно было долго объяснять значение слова «оригинал». Данил рассказал о карточке, об отметке «бумажный экземпляр существует», о вчерашней копии. Не упомянул фотографию. Не упомянул собственную мысль на обороте бумаги. Она слушала молча, изредка уточняя дату или обозначение.

— Вы заявление видели целиком? — спросила она.

— Копию.

— Кем заверена?

— Печать старая. Номер читается.

— Номер чего? Инвентарной единицы, листа выдачи, входящего письма?

— Надо посмотреть.

— Тогда у нас пока не документ, а изображение документа.

— Поэтому я здесь.

Марина отложила карандаш.

— Пойдём.

В старый архив попадали по лестнице за бывшей диспетчерской. На лестничной площадке стоял шкаф, в котором сотрудники хранили банки с домашним вареньем, картонные коробки и сломанный вентилятор. Через дверь с облупившейся краской доносился голос радио.

Нина Сергеевна сверила заявку с журналом, проверила разрешение и указала на умывальник у входа. Попросила вымыть руки и насухо вытереть их перед работой с бумагой. Марина сделала это первой. Данил последовал за ней.

— У вас там вчера кто-нибудь брал материалы за две тысячи восьмой? — спросил он.

— Вчера не выдавали. По понедельникам инвентаризация.

— А копию могли сделать?

— Если перед этим запросили и оформили. Запроса на вашу фамилию нет.

Нина Сергеевна произнесла это без намёка на тайну. Данил показал конверт. Она осмотрела копию и покачала головой.

— Это из другой связки. У нас копии с заверением выдают.

— Значит, кто-то имел доступ без заявки?

— Значит, я пока не знаю, откуда ваша бумага.

Она вывезла на тележке три картонные папки, каждая толщиной в две ладони. Внутри лежали подшитые перечни, старые протоколы передачи материалов и листы учёта. Данилу пришлось потратить почти час, чтобы найти нужный номер. Никакого кадрового архива здесь не было. В старую систему попадали ссылки на решения разных подразделений, и часть их пережила уже не одну программу.

Нужная карточка находилась не в папке с фамилией Орлова, а в комплекте материалов по передаче технических требований из студенческого проекта в рабочую эксплуатацию.

Верхний лист выглядел совершенно заурядно.

Дата. Обозначение. Перечень изменений. Подписи.

Под ним — второй лист, того же формата, с заголовком «О прекращении оформления участия».

Данил прочёл заявление. Слово в слово то самое, что лежало вчера у него на столе.

— Здесь оригинал, — сказала Марина. — Не распечатка из системы. Бумага старая, штамп той же серии, что на соседних листах. Но это ничего не доказывает о дате заполнения. Можно было подшить позже.

Данил перевернул лист.

На обороте была фраза с копии. Синяя ручка за восемнадцать лет выцвела, но буквы читались уверенно.

«Если останусь, не забыть, что хотел уехать».

Под ней находилась ещё одна строчка. На вчерашней ксерокопии её не было.

«Проследить за Костей. Он не должен возвращаться один».

— Что это? — спросила Марина.

У Данила похолодело во рту.

Костя тогда ещё не работал на Заводе. Они познакомились раньше, но виделись редко. Данил не имел ни малейшего основания писать ему такое предупреждение.

— Не знаю.

Марина вчиталась в строчку.

— Это ваш почерк?

— Похож.

— И нижняя строка тоже?

— Похож. Только я её не писал.

Марина посмотрела на него так, словно впервые допустила, что его история может оказаться не просто хитрой просьбой найти потерянный документ.

— Мне нужен журнал формирования этой связки, — сказала она Нине Сергеевне. — И записи по выдаче за последние три месяца. В установленном порядке.

— По последним трём месяцам могу дать выписку, — ответила та. — А журнал надо запросить отдельно.

Данилу захотелось вырвать лист из папки и унести. Впервые за долгие годы его почти физически бесило, что правильное действие — оставить бумагу на месте и оформить заявку.

Он сфотографировал лицевую сторону по разрешению архивариуса. Оборот Нина Сергеевна фотографировать не позволила: по её словам, номер листа в заявке был один, а оборотные записи требовали отдельного указания. Данил не стал спорить. Он переписал нижнюю строчку в блокнот, сначала механически, потом ещё раз, стараясь сохранить каждую букву.

На выходе Марина задержала его у шкафчика с вареньем.

— Вы мне не всё рассказали.

— Да.

— Это хорошо, что хотя бы сейчас не врёте. Давайте остальное.

Он показал фотографию с морем.

Марина долго смотрела на экран. Потом спросила:

— Вы там были?

— Нет.

— Он был?

— Говорит, да.

— У вас есть доказательства, где вы находились в эти дни?

— Дома какие-то фотографии. Платёжные документы. Если сохранились.

— Проверьте. И с Костей поговорите отдельно. Не подсказывайте ему детали.

— Вы думаете, нас разыгрывают?

— Я думаю, у нас есть два одинаково плохих варианта. Или кто-то потратил огромные усилия на бессмысленную подделку, или мы с вами не понимаем, что именно видим.

Она поправила ремень сумки.

— Пока предпочитаю первый.

Они пошли наверх. У лестницы их обогнал мужчина с папкой под мышкой. Увидев Марину, он остановился.

— Марин, привет.

— Сергей.

— Я тебе отправил перечень. Там одна позиция лишняя, я пометил.

— Посмотрю.

Он не ушёл. Данил сделал вид, что читает сообщение в телефоне.

— Ты на прошлой неделе говорила про фотографию, — сказал Сергей. — Нашёл я её. Зря мы тогда не поехали вместе.

Марина подняла голову.

— Мы никуда и не собирались ехать.

— В аэропорт-то я тебя отвозил.

— Сергей, у меня не было билета.

— Был. В телефоне. Ты его ещё на стойке показывала.

Марина взглянула на Данила и тут же отвернулась.

— Мы поговорим потом.

— Да я без претензий. — Сергей пожал плечами. — Просто вспомнил. Десять лет прошло, наверное.

— Двенадцать, — сказала Марина.

Мужчина ушёл. Его шаги быстро стихли в лестничном пролёте.

— Бывший муж? — спросил Данил, когда они вышли в коридор.

— Нет.

— Простите.

— Не за что. — Она прошла несколько шагов. — Он не врёт, понимаете? Вот что меня беспокоит.

— Откуда вы знаете?

— Потому что я тоже помню этот аэропорт.

Данил остановился.

— Вы же только что сказали, что билета не было.

— Его и не было. Я помню, как не покупала. И помню, как стояла на регистрации. Оба воспоминания совершенно обычные. Как два разных утра, когда ты уверен, что выключил утюг.

— И раньше такое бывало?

— Нет. — Марина застегнула сумку. — До сегодняшнего дня у меня было только одно воспоминание.

Она сказала это очень ровно. Данил подумал, что именно ровный голос выдаёт, как сильно она испугалась.

Он хотел проводить её до кабинета, но она уже шла обратно в бюро, открывая на ходу рабочую переписку.

— В два у меня сверка состава, — бросила через плечо Марина. — Если хотите со мной разговаривать — после.

Данил остался возле лестницы. За дверью кто-то смеялся над очередной шуткой про командировки. Снизу пахло чужим обедом. Всё было живым и точным, как раньше.

На экране телефона горело новое сообщение от Кости:

«Бумагу нашли?»

Данил написал: «Да. Потом расскажу».

И не написал про предупреждение на обороте.

Глава 5. Лифт

В половине третьего Данил понял, что не сможет вернуться к обычной работе.

Он дважды открыл протокол передачи прав доступа и оба раза обнаружил себя перед снимком из старого архива. На совещание, назначенное на четыре, не успевал подготовить даже половину материалов. В последний рабочий вторник он впервые всерьёз подумал, что уходить будет некому: человек, которому он передавал обязанности, казался себе вполне готовым, а Данилу — нет.

Егор заглянул в дверь.

— Данил Андреевич, у вас минутка?

— Если правда минутка.

— Мне предложили собеседование в другом бюро. Не здесь. Дед говорит, сначала надо закончить проект, а я думаю: его можно ещё пять лет заканчивать.

— И чего ты от меня хочешь?

— Чтобы вы сказали, как правильно.

— Я не знаю.

Егор удивился сильнее, чем если бы Данил накричал.

— Вы же уходите.

— Я ухожу из этой должности. Это не делает меня специалистом по чужим решениям.

— Я просто думал...

— Иди на собеседование. Посмотри, какая работа. Сравни. Но решение будет твоё.

Егор кивнул. Уже у двери обернулся:

— Дед вчера перед сном звонил мне. Просил спросить, как вы себя чувствуете.

— С чего вдруг?

— Не знаю. Он сказал: «Пусть Орлов не остаётся один с чужими бумагами».

После его ухода Данил минуту смотрел на пустую дверь. Потом взял блокнот и пошёл к Марине.

В стеклянном лифте между старым и новым корпусами иногда пахло озоном после ремонта освещения. Кто-то повесил на поручень бумажное объявление «НЕ ПРИСЛОНЯТЬСЯ К ДВЕРЯМ», но буквы выцвели, и оно давно стало частью интерьера. Лифт обслуживал три рабочих этажа и переход на уровне второго. Обычная небольшая кабина с прозрачной боковой стеной, через которую было видно лестницу и обшарпанную колонну.

Марина ждала возле кнопки вызова.

— Мне надо к архивариусам в соседний корпус, — сказала она. — Поедем вместе, если вы опять за мной.

— Я за вами.

— Тогда быстро. Через сорок минут контрольный обход.

Они вошли. Данил нажал второй этаж. Лифт поднялся на несколько сантиметров, дрогнул и остановился.

— Ну вот, — сказала Марина. — Каждый раз, когда спешу.

Свет не погас. Снаружи можно было увидеть край лестничной площадки. Вытянутый узкий прямоугольник лифтового зеркала отражал их со спины: Данила в тёмной куртке, Марину с папкой под мышкой.

Он нажал кнопку связи с диспетчером.

— Диспетчерская, слушаю.

— Лифт между первым и вторым. Двери закрыты, остановился.

— Вижу. Не трогайте створки, сейчас проверим.

Связь щёлкнула.

— Прекрасно, — сказала Марина. — До вечера здесь просидим.

— Минут пять.

— Это у вас любая авария на пять минут. Потом выясняется, что нужна ещё одна заявка.

Они улыбнулись друг другу — впервые за весь день без напряжения.

В зеркале между их отражениями стоял ребёнок.

Данил не сразу понял, что видит. Маленькая девочка лет пяти, в жёлтой кофте, держала обеими руками поручень. Лицо её было закрыто тёмными волосами. Она стояла не позади них и не между ними: в стекле отражение занимало пространство, где в настоящей кабине находился пустой угол.

Он повернулся.

Никого.

Снова посмотрел в зеркало. Девочка была там.

— Марина, — сказал он негромко.

— Что?

— Не оборачивайтесь.

Она всё равно обернулась. Не на него — к зеркалу.

Её лицо изменилось без движения, словно с него исчезло выражение, к которому оно привыкло.

Девочка подняла голову.

На лице не было ничего чудовищного. Обычный ребёнок. Чуть нахмуренный лоб, круглый нос, распахнутые губы. Ребёнок, который долго ждёт, когда на него наконец посмотрят.

— Мама, — сказала она.

Голос прозвучал не из зеркала. Совсем рядом, на высоте Данилова локтя.

Марина взялась за поручень.

— Тихо, — сказала она.

Непонятно, к кому это относилось.

В отражении девочка отпустила поручень и вытянула руку. Данил почувствовал прикосновение к запястью — короткое, осторожное, как просьба обратить внимание. Его собственная рука дёрнулась. В настоящей кабине никто к нему не прикасался.

Данил попытался отойти. Папка выскользнула у Марины из-под руки, рассыпав несколько листов. В зеркале девочка нагнулась, будто хотела помочь. На полу перед Данилом ничего не шевельнулось.

Внезапно раздался щелчок, и лифт поехал.

— Первый-второй, — сказала кабина механическим голосом, которого Данил раньше здесь не слышал.

Двери открылись на втором этаже. В проходе стояли два молодых сотрудника с пластиковыми стаканчиками кофе.

— Вам нормально? — спросил один. — Он опять завис?

Данил посмотрел на них и не смог сразу ответить. У Марины дрожали губы. Она присела и стала собирать разлетевшиеся бумаги. Сделала это очень тщательно, по одной, выравнивая углы.

— Вас двое было? — спросил парень.

— А кого вы видели? — ответил Данил.

— Вас двоих. Диспетчер сказал, что там застряли.

Данил вышел следом за Мариной. Только на площадке заметил, что правое запястье болит. На коже выступали четыре небольших красных полукружия. Не синяки — следы давления, как если бы его крепко, но без злости держали маленькими пальцами.

Он не хотел показывать руку Марине. Всё равно показал.

Она смотрела долго. Затем расстегнула сумку и достала телефон.

— Снимите, — сказала она.

— Что?

— Пока есть.

Он сделал несколько фотографий. На этот раз следы были видны на экране. Марина осмотрела снимки и попросила переслать ей оригиналы.

Из лифта вышел электромеханик, высокий мужчина с инструментальной сумкой. Объяснил, что сработала блокировка двери и это уже третий случай за неделю. Извинился, спросил, не нужна ли помощь. Данил ответил, что не нужна. Существует предел того, что можно сообщить электромеханику при проверке дверного контакта.

Они зашли в пустую переговорную. Марина поставила папку на стол, вынула из бокового кармана сумки платок и вдруг обнаружила, что внутри лежит маленькая пластмассовая заколка.

Жёлтая бабочка. Одно крыло отломано.

— Это не моё, — сказала она.

Данил отодвинул стул.

— Положите.

Марина сжала заколку в пальцах.

— Я знаю эту вещь.

— Откуда?

Она смотрела на неё так, будто ждала ответа от самой бабочки.

— Мне кажется... — начала она и замолчала.

Данил не торопил.

— Мне кажется, я покупала её девочке. На ярмарке. Там было ещё две — синие. Она хотела жёлтую. Сломала в тот же день, когда я её ругала за то, что полезла через забор.

— Это ваша дочь?

Марина подняла на него глаза.

— У меня нет детей, Данил.

Она произнесла это не с обидой, а с той особенной отчётливостью, с какой люди называют свой возраст или группу крови.

— А теперь я помню, как ругала её за забор.

Они сидели молча. За дверью прогрохотала тележка. Из соседнего кабинета кто-то громко позвал коллегу по имени. Жизнь продолжалась по расписанию, не замечая, что в пустой переговорной на столе лежит вещь из чьего-то невозможного детства.

— Надо проверить лифт, — сказал Данил.

— Проверяйте.

— Запись с камеры, журнал вызовов, блокировку.

— Проверяйте всё, что сможете. — Марина достала маленький бумажный конверт, положила в него заколку и написала сегодняшнюю дату. — Только сначала сделайте для меня одну вещь.

— Какую?

— Не говорите мне, что это был сон.

Он посмотрел на собственное запястье.

— Не скажу.

Марина застегнула конверт. На мгновение Данилу показалось, что внутри что-то шевельнулось; он тут же списал это на дрожь её рук.

— И ещё, — сказала она. — На фотографиях у вас следы от четырёх пальцев.

— Я вижу.

— А я помню, как она держала вас за руку. У девочки было пять пальцев.

Данил снова посмотрел на запястье.

Четыре следа. Никакого пятого.

— Может, один не отпечатался, — сказал он.

Марина не ответила. Она отвернулась к окну, за которым по территории шли люди с чертёжными тубусами и пакетами из столовой.

— Буду считать, что не отпечатался, — сказала она наконец.

Глава 6. Чужое совещание

Запись с камеры получить не удалось.

Не потому, что её кто-то удалил. Камера в стеклянном лифте вообще не была установлена. То, что Данил принимал за объектив в верхнем углу, оказалось датчиком освещённости. Диспетчерская сохранила только время остановки: четырнадцать часов тридцать семь минут, продолжительность — сорок одна секунда, причина — ложное срабатывание дверного контакта. Электромеханик сделал запись о регулировке и ушёл на другой вызов.

Сорок одна секунда.

Данил был уверен, что прошло не меньше трёх минут.

Он проверил журнал на собственном телефоне. Исходящий вызов диспетчеру отсутствовал: связь осуществлялась через кнопку кабины. Ничего удивительного. Никакой зацепки.

На запястье красные дуги побледнели. К четырём часам они стали почти незаметными.

— У тебя что с рукой? — спросил Костя.

— Ударился.

— О кого?

— Об лифт.

— Об лифт можно удариться, только если он не приехал.

Костя повернул его руку ладонью вверх и вдруг отпустил.

— Кто это сделал?

— Не знаю.

— Даня, ты ещё сегодня домой планируешь?

— Планирую.

Они помолчали. Костя смотрел на запястье так, словно уже видел подобные отметины.

— Нашёл нижнюю строку на листе? — спросил он.

Данил сел прямее.

— Какую нижнюю?

— Да любую. Ты вчера говорил, там надпись на обороте. Я подумал, вдруг ещё что-то.

— Откуда тебе пришло в голову?

— Господи, оттуда же, откуда тебе. Нам же надо понять, кто шутит.

Данил едва не рассказал ему про Костю, которому нельзя возвращаться одному. Но Костя говорил слишком быстро, и в скорости этой было что-то неприятное. Не ложь, не попытка спрятать секрет — паника человека, который чувствует, как за ним наблюдают, и потому старается вести себя непринуждённо.

— Потом, — сказал Данил. — Сейчас совещание.

В переговорной собрались девять человек. Старший технолог, представитель конструкторского бюро, инженер по доступам, два сотрудника службы сопровождения, Егор, Костя, Данил и начальник смежной группы, который пришёл на полчаса раньше ради того, чтобы уйти в первые десять минут.

Совещание было посвящено последнему этапу передачи данных из прежнего каталога. У каждого имелись свои замечания, и каждое могло задержать проект. В обычный день Данилу нравилось распутывать эти узлы. Ему нравилось находить место, где два человека говорили об одном и том же разными словами, а потом показывать, что на самом деле оба правы.

В этот раз спор не был отвлечённым. Сборочное подразделение готовило комплект документов для двигателя после плановых проверок. В старом каталоге одно изменение числилось за конструкторским бюро, в новой структуре — за технологической службой. Само изделие от этого не менялось, но без однозначной прослеживаемости никто из ответственных не хотел ставить подпись под следующим этапом. Мастер с участка позвонил Данилу ещё утром и

без дипломатии объяснил: людям не нужны красивые карточки в новой программе; им нужно знать, по какой согласованной версии работать.

Данил понимал мастера. Восемнадцать лет назад он выбирал эту профессию именно потому, что здесь ошибка в бумаге могла однажды оказаться ошибкой в железе. Теперь у него на экране возникли две одинаково аккуратные истории. И обе требовали, чтобы кто-то назвал одну другой.

Сегодня он пришёл неподготовленным.

— По дублям у нас разная трактовка, — говорил технолог. — Для нас это один и тот же комплект, потому что состав не менялся.

— А для нас два объекта, — отвечал Костя. — У них разные основания выпуска. Если объединить без проверки, потом не докажешь, откуда какое решение взялось.

— Поэтому и нужна сверка, — сказал Данил. — Не автоматическая чистка. Сначала источник, потом связь.

— У нас на участке между тем не стоит весь двигатель и не ждёт, пока вы помирите две строчки, — сухо произнёс технолог. — Мы остановили только выдачу конкретного комплекта, потому что иначе никто не подтвердит происхождение решения. Не надо делать из нас противников порядка.

Данил кивнул. Он не мог сослаться на мистику или на собственное увольнение. Перед ним была настоящая работа, и люди имели право получить ответ.

— Так и поступим, — сказал он. — Спорную связь оставим спорной, чистую часть передадим. Смена без нашего разрешения ничего не потеряет. А подложную уверенность я вам не подпишу.

Егор поднял руку, как на лекции.

— А если оба источника корректные, но противоречат друг другу?

— Тогда противоречие фиксируют и возвращают ответственным на решение, — ответил Данил. — Не надо делать вид, что его нет.

Он произнёс это привычным тоном, каким сотни раз объяснял правила работы. И только после слов «не надо делать вид» понял, насколько хотел бы сам последовать этому совету.

На дальнем конце стола сидел мужчина в серой рубашке.

Данил заметил его не сразу. Мужчина был лет пятидесяти, лысоватый, с обручальным кольцом на левой руке. Перед ним лежала синяя папка, в которой не было ничего, кроме одного листа. Он слушал с чуть склонённой головой и делал пометки карандашом.

Данил не помнил, чтобы приглашал его.

Когда начальник смежной группы поднялся уходить, мужчина подвинул кресло, пропуская его. Они обменялись короткими кивками. Жест был настолько естественным, что Данил решил не вмешиваться.

— Коллеги, — сказал он, — ещё один вопрос. Кто будет подписывать итоговую ведомость после пятницы?

Костя ответил первым. Егор уточнил, кому передавать спорные решения. Марина, присоединившаяся к совещанию через десять минут после начала, сказала, что утверждать список без первичных носителей не станет.

Мужчина в серой рубашке поднял руку.

— У вас не все участники, — произнёс он.

Голос был негромкий, чуть сиплый.

— Кого забыли? — спросил Данил.

Мужчина смотрел прямо на него.

— Тех, кто принимал прежние решения.

— Для них есть история согласований.

— История есть не у всех.

— Представьтесь, пожалуйста.

Никто не обернулся к дальнему концу стола. Данил почувствовал раздражение: теперь люди даже не отвлекаются от телефонов, когда говорит приглашённый специалист.

— Вы меня приглашали, — ответил мужчина.

— Я спрашиваю фамилию.

— Она в списке.

Марина подняла глаза от блокнота.

— Данил, ты к кому обращаешься?

Мужчина сидел на своём месте. Его карандаш лежал поперёк страницы. Он не выглядел необычно: воротник немного помят, одна пуговица пришита ниткой другого оттенка.

— К человеку у окна, — сказал Данил.

Марина посмотрела в ту сторону.

— Там никого нет.

Сначала Данил решил, что это неудачная шутка. Он обвёл взглядом остальных. Костя нахмурился. Егор перестал записывать.

— Там мужчина сидит, — медленно сказал Данил. — С папкой.

Мужчина в серой рубашке повернул лист.

— Вы уже подписали, — сообщил он.

— Что подписал?

— Что всё было именно так.

Данил встал. Ему мешал стол; он обошёл край, чувствуя, как в затылке у него начинает стучать кровь. Все смотрели на него. Егор убрал ноги из прохода. Мужчина сидел спокойно, ожидая, когда Данил подойдёт.

За два шага до кресла Данил моргнул.

Кресло было пустым.

На столешнице не осталось ни папки, ни карандаша. Только мокрый круг от стакана, которого, как он теперь помнил, никто туда не ставил.

— Вам плохо? — спросил технолог.

— Нет.

— Сядьте, — сказала Марина.

Данил сел. В переговорной было тихо. Кто-то в коридоре смеялся так громко, что смех казался неприличным.

— Продолжим позже, — произнёс Данил. — Извините. Сегодня не лучший день.

Никто не возражал. Люди стали собирать ноутбуки и бумаги с тем поспешным облегчением, которое возникает, когда совещание неожиданно заканчивается раньше времени.

— Не трогайте листы, — сказала Марина.

Её голос прозвучал резко. Все остановились.

— Мне нужны исходные списки присутствующих. Те, что вы получили до совещания. Не пересланные сейчас, не обновлённые. Именно первоначальные.

— Зачем? — спросил начальник группы.

— Проверяем состав согласующих.

Это было достаточно скучное объяснение, чтобы его приняли. Данил успел оценить, насколько ловко она придумала повод.

В течение двадцати минут они сравнили семь списков. В пяти значились девять участников. В двух — десять. Дополнительная строка стояла после фамилии Данила и до фамилии Егора.

«Калинин Н. Р.»

Ни подразделения, ни должности.

— Ты его знаешь? — спросил Костя.

— Нет.

— Он хоть где-нибудь у нас работает?

— Сейчас проверим.

В кадровом справочнике сотрудника с такой фамилией и инициалами не было. В старой рассылке — тоже. Костя нашёл похожую фамилию в перечне уже закрытых подразделений, но там значился совсем другой человек.

— Может, кто-то случайно добавил, — сказал Егор.

— Может, — ответила Марина. — А откуда разные версии приглашения, если рассылали одно письмо?

Егор открыл собственный файл. В нём было десять фамилий. Он посмотрел на экран, потом на Данила.

— Я распечатывал его вчера. Десять фамилий. Помню, потому что ставил десять стульев. Потом один убрал, когда пришёл девятый человек.

— Почему убрал?

— Вроде лишний.

— Ты видел, кто сидел у окна?

— Не знаю. — Егор помедлил. — Я помню, что там мужчина сидел. Но если попробую вспомнить лицо, там пусто.

Костя вынул телефон.

— Я сфотографировал доску, пока ты объяснял по дублям. Смотри.

На снимке Данил стоял у экрана. Егор записывал. Марина ещё не пришла. У окна — пустое кресло.

Данил смотрел на фотографию, пытаясь вспомнить, в какой момент мужчина появился. Не смог.

— Я с ним разговаривал, — сказал он.

— Я слышала, как ты разговаривал, — ответила Марина. — Только второй голос не слышала.

Она подошла к столу у окна и провела пальцем по мокрому кругу. Поднесла палец к свету.

— Вода, — сказала она. — Просто вода.

Данил почувствовал крошечное, бессмысленное облегчение. Хоть что-то подчинялось обычным правилам.

Костя подошёл к двери, затем вернулся.

— Какое у него было лицо?

— Обычное.

— Ты бы его узнал?

— Да.

— Уверен?

Данил посмотрел на кресло. В голове осталось сочетание деталей: обручальное кольцо, помятая рубашка, пуговица с другой ниткой. Но лицо уже распадалось. Он помнил не глаза, не нос, не форму губ, а лишь уверенность в том, что видел человека.

— Уже не уверен, — сказал он.

— Тогда и я не уверен, — произнёс Костя.

На секунду Данил решил, что тот шутит. Но Костя смотрел не на него, а на пустое место у окна.

◆

В коридоре они задержались возле автомата с кофе. Из соседней комнаты вышли двое молодых инженеров, ругаясь вполголоса: один настаивал, что они ни с кем не встречаются, другой спрашивал, зачем тогда он вчера три часа ждал девушку у проходной. За ними прошла

женщина, которая на ходу поздравляла сына с новым местом в сборочном цехе. На Заводе чужие жизни пересекались так густо, что иногда Данил не мог вспомнить, какую историю узнал лично, а какую услышал много лет назад.

— Я бы хотел вернуться на совещание, — сказал Егор. — Проверить, где он сидел.

— Не надо, — ответила Марина.

— Почему?

— Потому что мы уже проверили. И получили ответ, который не умеем объяснить.

Она посмотрела на Данила.

— Я сегодня тоже кое-что видела. В лифте. Я не была одна. Данил подтвердит.

Костя повернулся к ней.

— Что видели?

— Пока не знаю, как рассказать.

— А мне, значит, можно не знать?

Данил почувствовал, что наступил момент, когда скрывать отдельные факты стало опаснее, чем произнести их вслух.

— Нам надо поговорить, — сказал он. — Вчетвером. Без совещания.

— Не сейчас, — ответил Костя. — Сначала я тебе кое-что покажу. И только тебе.

Он ушёл к лестнице так быстро, что Данил не успел спросить, что именно.

За окном начинал сгущаться вечер. В соседнем корпусе горели рабочие окна. Завод никогда не становился полностью пустым: где-то продолжали смену, где-то начиналась следующая, где-то к утру ожидали готовых результатов. И эта обычная непрерывность вдруг показалась Данилу не надёжностью, а отсутствием пауз, в которых можно было бы разобраться, что произошло.

Глава 7. Не нажимай

Костя ждал у себя. На столе лежали две распечатки, электронный пропуск и билет на поезд.

Не электронная маршрутная квитанция, не распечатка покупки с сайта. Старый бумажный билет с узкими цветными полосами, помятый вдоль сгиба. Бумага пожелтела так, будто много лет пролежала в кармане зимней куртки.

— Где взял? — спросил Данил.

— Дома. Нашёл после твоей фотографии с морем. В альбоме был конверт, а в конверте вот это.

— Зачем принёс?

— Потому что ты собираешься всё проверять. Проверяй.

Данил взял билет за уголок. На нём стояла дата из две тысячи одиннадцатого. Город отправления совпадал с нынешним, прибытия — с тем, где Косте когда-то предлагали работу. Фамилия, инициалы, номер поезда. Всё выглядело как настоящее путешествие, которое состоялось.

— Ты ездил?

— Нет.

— Тогда почему билет прокомпостирован?

— Я не знаю.

Костя сел и потер лицо ладонями. Вид у него был такой, будто за один день он пережил неделю.

— Помнишь, у меня тётя болела? — спросил он.

— Помню. Ты ещё просил меня смены в дежурствах поменять.

— Я тогда собирался уехать. Мне предложили место. Я купил билет, всё упаковал. А потом она попала в больницу. Я остался. Вернул билет, кажется.

— Кажется?

— Я помню, как вернул. И помню, как садился в поезд. Помню, что в вагоне пахло апельсинами. У проводницы был пластырь на большом пальце. Мужик напротив всю дорогу разговаривал по телефону. — Костя остановился и посмотрел на Данила. — А в тот же вечер я был в больнице. Ты мне звонил, я сказал, что не уехал. И это тоже помню.

— Одно воспоминание могло быть сном.

— Одиннадцать лет подряд?

— Воспоминания меняются. Иногда человек убеждён в деталях событий, которых не было.

— Я знаю. — Костя стукнул пальцем по билету. — Но почему я раньше не помнил поезд, а теперь не могу выбросить его из головы?

Данил хотел ответить. Потом понял, что у него нет даже правдоподобной гипотезы.

Костя повернул к нему экран.

В системе была открыта связка старых решений. Два почти одинаковых идентификатора, оба привязаны к одной записи о передаче обязанностей. Различались основания: в первом случае Костя завершал работу и снимался с доступа, во втором — продолжал сопровождать проект.

— Это могли быть просто две версии заявки, — сказал Данил.

— Да. И я хочу, чтобы это были две версии заявки. Но посмотри дату.

Первая карточка была закрыта в день, когда Костя якобы уехал. Вторая — через три недели после этого. Рядом стояла отметка о ручной проверке владельца связи.

— Здесь не написано, что ты уехал, — сказал Данил. — Только что передал обязанности.

— Я не про это.

Костя открыл журнал последних операций. В нём было действие, выполненное сегодняшним вечером несколько минут назад: «Запрос уточнения конфликта источников».

Инициатор — Константин Белов.

— Я его не запускал, — сказал Костя. — До этой минуты не открывал раздел сверки.

— Кто-то мог использовать твою учётную запись.

— Сейчас посмотрим, откуда.

Они проверили журнал входов. Обычная рабочая станция Кости. Время совпадало с совещанием, на котором он находился рядом с Данилом. Никаких удалённых подключений не было.

— Автоматический процесс выполняется от имени человека, если настройка неправильная, — сказал Данил.

— Да. Поэтому я и хотел, чтобы ты пришёл. Ты умеешь отличить настройку от чьей-то дурной шутки.

Данил начал разбирать цепочку зависимостей, убеждая себя, что сейчас найдёт неисправный скрипт. В журнале были стандартные служебные события: получение записи, сопоставление источников, проверка подписи. Никакого загадочного кода. Никаких необъяснимых команд. Только две одинаково допустимые истории.

— Смотри, — сказал он. — Один источник пришёл из старого архива решений, второй из журнала передачи. Их нельзя сейчас объединять. Надо отправить на разбор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.